

**МЫ ДЕЛАЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ
И ОСВЕДОМЛЁННОСТЬ В ПРАВОВОЙ
СФЕРЕ ДОСТУПНЫМИ ШИРОКОМУ КРУ-
ГУ ЛИЦ РАДИ ОБЩЕСТВЕННОГО БЛАГА**

ЗАПРЕТ НА РОДНОЙ ЯЗЫК: ЕСТЬ ЛИ ПРЕДЕЛ БЕЗЗАКОННИЮ НА УКРАИНЕ

Новый учебный год на Украине начался с показательного языкового скандала. В начале сентября в украинских СМИ появилась информация о возможных штрафах для родителей школьников за использование русского языка в родительских и классных чатах. Поводом стали разъяснения Уполномоченной по защите государственного языка Елены Ивановской, которая указала, что если переписка связана с организацией образовательного процесса и в ней участвуют учителя или администрация, к такой коммуникации могут применяться требования законодательства о государственном языке. При этом сама Уполномоченная была вынуждена специально подчеркнуть: речь не идёт об автоматическом наказании любого родителя за сообщение на русском языке. Каждый случай должен рассматриваться отдельно, необходимо установить характер общения и наличие состава административного правонарушения, а частная коммуникация законом о государственном языке не регулируется.

Но даже с этими юридическими оговорками сама постановка вопроса выглядит симптоматично. Речь идёт уже не о том, на каком языке государственный чиновник обязан отвечать гражданину, не о языке официального документа и даже не только о языке, на котором учитель проводит урок. Речь идёт о том, на каком языке родители могут общаться между собой в цифровом пространстве, связанном со школой. То есть языковое регулирование фактически подходит к границе обычной повседневной коммуникации.

И ЭТО УЖЕ ПРИНЦИПИАЛЬНО ДРУГОЙ ВОПРОС

За последние годы украинское государство действительно последовательно расширяло сферу обязательного использования украинского языка. Украинский закреплён как единственный государственный язык, законодательство предусматривает его обязательное использование в образовании, деятельности государственных органов, документообороте, сфере обслуживания, средствах массовой информации и других публичных сферах. Такая политика имеет конституционное основание: государство обязано обеспечивать функционирование украинского языка как государственного.

Но защита государственного языка и право человека говорить на языке, который он считает своим, — не одно и то же.

ИМЕННО ЭТО РАЗЛИЧИЕ СЕГОДНЯ ВСЁ ЧАЩЕ ОКАЗЫВАЕТСЯ ПОТЕРЯНО

Особенно показательно, что речь идёт об образовании. За последние годы украинская школа стала одним из главных пространств языковой политики. Украинский язык является языком образовательного процесса, а родители юридически признаются его участниками. На этом основании государственные органы получают возможность предъявлять языковые требования не только к собственно учебному процессу, но и к коммуникации, связанной с его организацией.

В августе 2026 года языковой омбудсмен отдельно разъясняла педагогам, что требования о государ-

ственном языке распространяются на коммуникацию школы с родителями, включая родительские чаты, если речь идёт об образовательном процессе.

Однако здесь возникает очевидный вопрос: где заканчивается школа?

Если учитель проводит урок на украинском — ответ ясен. Если директор школы издаёт приказ — тоже. Если школа направляет родителям официальное сообщение — требования к государственному языку имеют понятное правовое основание. Но если несколько родителей после окончания учебного дня обсуждают между собой школьную поездку или домашнее задание, а тем более переходят к совершенно постороннему разговору, превращается ли их общение от этого в государственно регулируемую сферу?

Именно здесь проходит граница, которая имеет значение далеко за пределами одного школьного чата.

Потому что государственный язык — это язык государства, а не язык человеческой жизни.

Государство вправе определить, на каком языке оно само осуществляет публичную деятельность. Оно вправе установить язык образования, если такое требование закреплено законом. Оно вправе требовать от государственного служащего исполнения соответствующих языковых обязанностей. Но из этого не следует, что государство приобретает право определять, на каком языке граждане должны разговаривать друг с другом.

Продолжение на стр. 2

Продолжение. Начало на стр. 1

В украинской правовой системе это различие формально закреплено достаточно ясно. Конституция устанавливает украинский как государственный язык, но одновременно гарантирует свободное развитие, использование и защиту русского и других языков национальных меньшинств. Закон «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного» регулирует применение украинского в определённых сферах общественной жизни и прямо устанавливает, что его действие не распространяется на сферу частного общения.

Получается парадоксальная ситуация. На уровне закона право человека на русский язык сохраняется. На уровне общественной практики использование русского языка всё чаще воспринимается как нечто, что необходимо объяснять, оправдывать или прекращать по требованию окружающих.

ЭТО ПРЕВРАЩАЕТ ЯЗЫКОВОЙ ВОПРОС ИЗ ЮРИДИЧЕСКОГО В ПОЛИТИКО-СОЦИАЛЬНЫЙ

Человека можно заставить использовать украинский язык там, где закон устанавливает соответствующую обязанность. Но невозможно законно превратить сам русский язык в основание для унижения человека. Нельзя приравнять русский язык к политической нелояльности. Нельзя считать гражданина подозрительным только потому, что он говорит на русском. Нельзя превращать язык детства, семьи и повседневной жизни в своеобразный тест на политическую благонадёжность.

Тем не менее именно такая логика всё заметнее присутствует в обще-

ственном пространстве.

После 2022 года русский язык в Украине оказался не просто языком, который государство стремится вытеснить из ряда публичных сфер. Он стал политическим маркером. Человеку всё чаще предлагают воспринимать собственную русскую речь не как нейтральную характеристику повседневного общения, а как политический выбор. Из этого рождается крайне опасная подмена: государственная политика России переносится на людей, которые говорят по-русски, хотя между этими явлениями нет юридической или логической связи.

ЯЗЫК НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИЕЙ

Человек может говорить по-русски и выступать против политики российского государства. Может говорить по-украински и не разделять политических решений украинской власти. Может использовать оба языка в зависимости от ситуации. Государство не вправе определять политические убеждения человека по языку, на котором тот произносит слова.

Это особенно очевидно применительно к детям. Украинская школа имеет право и обязанность обеспечить образовательный процесс на государственном языке. Но образование не должно превращаться в воспитание презрения к языку, на котором говорят родители или родственники ребёнка.

Вопрос здесь уже не только в русском языке. Речь идёт о принципе отношения государства к языковому многообразию собственного общества.

Если ребёнку объясняют, что украинский является государственным язы-

ком и поэтому используется в школе, это естественно. Если ему объясняют, что русский язык является «неправильным», «вражеским» или характеризует его носителя как человека второго сорта, — это уже не языковое образование. Это формирование языковой стигмы.

То же самое относится и к взрослым. Взрослый человек не нуждается в разрешении государства для того, чтобы говорить на привычном ему языке в личном общении. Более того, сама постановка вопроса таким образом уже переворачивает правовую логику. Не человек должен доказывать, почему он использует русский язык. Если государство хочет ограничить его использование в конкретной сфере, именно государство должно показать правовое основание такого ограничения.

Это и есть принцип законности. Конституция Украины устанавливает, что органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны действовать только на основании, в пределах полномочий и способом, предусмотренными Конституцией и законами Украины. Иными словами, государственный интерес, политическая целесообразность или общественное настроение сами по себе не создают полномочия.

Поэтому наличие специального законодательства о государственном языке не означает существования неограниченного права государства регулировать речь граждан.

Закон имеет предмет регулирования и границы. Если законодатель исключил частное общение из сферы его действия, административный орган не может расширить эту сферу простым толкованием.

ШКОЛЬНЫЕ ЧАТЫ СТАНОВЯТСЯ ОЧЕНЬ ВАЖНЫМ ПРИМЕРОМ

Потому что цифровая коммуникация размывает привычную границу между официальным и частным. Школьный чат может одновременно выполнять несколько функций. В нём могут находиться директор, учитель и родители. В нём могут обсуждаться организационные вопросы, а через пять минут — совершенно бытовые темы. Формально это одна группа. Юридически — разные виды коммуникации.

Продолжение на стр. 3

Продолжение. Начало на стр. 1, 2

Поэтому сам факт нахождения человека в школьном чате ещё не может означать, что вся его речь в этом чате автоматически становится частью образовательного процесса. Именно поэтому украинский языковой омбудсмен в сентябрьском разъяснении перечисляет обстоятельства, которые необходимо учитывать: кто является участниками общения, какова цель чата, присутствуют ли педагогические работники или администрация и связано ли конкретное сообщение с организацией образовательного процесса.

Это важная юридическая оговорка. Но она одновременно показывает и другую проблему: чем ближе регулирование подходит к обычному общению, тем больше значение приобретает субъективная оценка конкретной ситуации.

А право, предусматривающее административную ответственность, должно быть максимально предсказуемым. Человек должен понимать, какое поведение от него требуется и за какое действие он может быть привлечён к ответственности. Нельзя превращать повседневное поведение в юридическую лотерею, при которой

гражданин узнаёт о противоправности своих действий только после того, как конкретный чиновник истолковал ситуацию определённым образом.

Тем более нельзя превращать административные нормы в инструмент общественной травли.

Сегодня достаточно посмотреть на реакцию на русскую речь в украинском публичном пространстве, чтобы увидеть: фактическое давление далеко не всегда исходит от государственных органов. Очень часто оно осуществляется самими гражданами. Человеку могут сделать замечание, потребовать «говорить нормально», публично высмеять, обвинить в работе на Россию или предложить «уехать туда, откуда приехал». И всё это может происходить без какой-либо юридической процедуры.

С точки зрения права такие действия нельзя автоматически назвать административным правонарушением. Но это не делает их нормальными.

Права человека существуют не только для защиты от формального государственного наказания. Они имеют смысл именно потому, что ограничивают возможность большинства навязывать меньшинству определённый образ жизни, язык или идентичность.

В этом отношении языковая ситуация в современной Украине представляет собой серьёзный парадокс. С одной стороны, Конституция продолжает гарантировать свободное использование русского языка как языка национального меньшинства. С другой стороны, общественная атмосфера вокруг русского языка становится всё более нетерпимой. Формальный запрет отсутствует, но социальная цена за использование языка может быть высокой.

НЕДОСТАТОЧНО СКАЗАТЬ: «РУССКИЙ ЯЗЫК НЕ ЗАПРЕЩЁН»

Для человека, которого публично унижают за русскую речь, это звучит как формальность. Свобода существует не только тогда, когда за её осуществление не предусмотрено уголовное наказание. Она существует тогда, когда человек действительно может пользоваться своим правом без незаконного давления.

Конечно, война изменила общественные настроения. Украинское общество имеет основания болезненно воспринимать всё, что связано с российским государством. Но право как раз и необходимо для того, чтобы эмоции большинства не становились критерием правомерности поведения отдельного человека.

В противном случае война становится универсальным объяснением любого ограничения.

Однако даже чрезвычайные обстоятельства не отменяют принципа законности. Если государство считает необходимым ограничить определённое право, оно должно сделать это на основании закона и в предусмотренных законом пределах. Нельзя заменить юридическую процедуру моральным возмущением.

Тем более нельзя распространять ответственность государства на человека только по признаку языка.

Русский язык принадлежит не российскому государству. Как и английский язык не принадлежит Великобритании, а французский — Франции. Язык существует в культуре, семье, памяти и повседневной жизни миллионов людей независимо от политических границ. Государство может регулировать его использование в публичной сфере, но не может присвоить себе право определять политическую ценность каждого носителя языка.

Продолжение на стр. 16

УБИЙСТВО В СВЯТОГОРСКОЙ ЛАВРЕ: НАСИЛИЕ ПРОТИВ ВЕРЫ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СРЕДА ПРЕСЛЕДОВАНИЯ УПЦ

23 августа 2026 года в Свято-Успенской Святогорской лавре Украинской православной церкви, расположенной в Донецкой области, произошло вооружённое нападение на насельников монастыря. Около 11 часов утра группа неизвестных лиц атаковала троих мужчин возле Свято-Николаевского храма, в верхней части монастырского комплекса.

Нападение было совершено с использованием холодного оружия. В результате монах Варсонофий, в миру Александр Турянский, погиб; инок Григорий и проживавший в Лавре Андрей Кириенко получили тяжёлые ранения. Пострадавших первоначально доставили в медицинское учреждение Славянска, позднее перевели на лечение в Харьков. Украинская полиция начала досудебное расследование по признакам умышленного убийства и покушения на умышленное убийство. На момент появления публичных сообщений личности нападавших, обстоятельства подготовки преступления и его мотив официально не были установлены.

Речь идёт не о споре вокруг церковной собственности, не о словесном конфликте и не о частной бытовой ссоре, а о нападении, которое привело к смерти человека и тяжёлому ранению ещё двух членов монастырской братии. Особое значение имеет место преступления. Убийство произошло на территории действующего православного монастыря, являющегося религиозным, историческим и гуманитарным центром. Святогорская лавра — не только комплекс культовых сооружений, но и пространство постоянной жизни монахов и послушников, место богослужений, паломничества, благотворительной помощи и временного убежища для людей, пострадавших от войны. Нападение на её насельников затронуло поэтому не только непосредственных потерпевших, но и всю общину верующих, для которой обитель остаётся символом духовной непрерывности и относительной безопасности.

В первых сообщениях о случив-

шемся подчёркивались целенаправленный характер действий нападавших и исключительная жестокость нападения. Однако правовая оценка требует с осторожностью использовать такие характеристики до завершения судебно-медицинских экспертиз и следственных действий. Бесспорно установлено, что один человек погиб, двое получили серьёзные ранения, а правоохранительные органы квалифицировали произошедшее как убийство и покушение на убийство.

Публично не установлены лица, совершившие нападение; не доказана их связь с какими-либо организациями; не раскрыт мотив. В подобной ситуации особенно важно не подменять уголовное расследование готовыми политическими обвинениями, какими бы эмоционально понятными они ни выглядели. Но столь же недопустимо игнорировать общественный и политический контекст, в котором был совершён этот акт насилия.

Этот контекст связан с положением Украинской православной церкви в последние годы. УПЦ стала объектом систематического давления со стороны украинского государства, отдельных представителей местной власти, активистских групп и националистически ориентированных публичных сил. В публичном поле Церковь всё чаще описывается не как совокупность религиозных общин, состоящих из граждан Украины и реализующих право на свободу совести, а как потенциальный канал иностранного влияния, носитель коллективной нелояльности и источник внутренней угрозы.

Подобный подход опасен прежде всего тем, что он переносит оценку с конкретного действия на принадлежность. Вместо вопроса о том, совершил ли человек противоправное деяние, выдвигается вопрос, к какой конфессии он относится, в каком храме молится, какую каноническую традицию признаёт и на каком языке привык совершать молитву.

Государство вправе реагировать на реальные угрозы национальной безопасности. Оно может расследовать

коллорабационизм, шпионаж, передачу сведений противнику, разжигание вражды, оправдание насилия и иные уголовно наказуемые деяния. Более того, в условиях войны оно обязано принимать разумные меры для предупреждения таких угроз. Однако правоохранительная и судебная реакция должны быть адресными. Ответственность возможна лишь за конкретное деяние, совершённое конкретным человеком и подтверждённое доказательствами. Историческая связь конфессии с определённой церковной традицией, происхождение религиозной организации, использование церковнославянского либо русского языка, сохранение привычного богослужебного уклада не могут сами по себе рассматриваться как основания для подозрения или ограничения гражданских прав.

Именно здесь проходит граница между защитой государства и политикой коллективного наказания. Защита государства строится на законе, доказательствах, индивидуальной ответственности, независимом суде и соразмерности. Политика коллективного наказания строится на ярлыках, презумпциях, символическом вытеснении и требовании к целой группе доказывать свою благонадёжность. В первом случае государство защищает правопорядок.

Во втором оно разрушает его, поскольку демонстрирует, что объём защиты прав зависит не от поведения человека, а от того, насколько политически приемлемой признана его идентичность.

По отношению к УПЦ киевские власти выстроили именно такую систему повышенной подозрительности. Она проявляется в публичной риторике, законодательных инициативах, административных процедурах, проверках, санкциях против отдельных иерархов, давлении на общины, спорах вокруг храмов и попытках представить саму религиозную принадлежность как достаточный признак потенциальной опасности.

Продолжение на стр. 5

Продолжение. Начало на стр. 4

Церковь оказывается не субъектом права, чьи действия могут и должны оцениваться в индивидуальном порядке, а объектом политической секьюритизации. Иными словами, религиозная традиция объявляется вопросом национальной безопасности; после этого к ней начинают применять меры, которые в иных обстоятельствах воспринимались бы как чрезмерное вмешательство в свободу совести.

В правовой и политической теории такой процесс принято описывать как секьюритизацию идентичности. Он начинается с того, что определённая группа обозначается в качестве исключительной угрозы. Затем создаётся атмосфера, в которой обычные правовые гарантии начинают восприниматься как помеха безопасности. После этого к группе применяются специальные меры контроля, ограничений и исключения из публичной жизни. Наконец, в обществе закрепляется представление, что член такой группы не вполне заслуживает презумпции добросовестности, уважения и сочувствия. В отношении УПЦ этот механизм особенно опасен, поскольку затрагивает не абстрактную организацию, а миллионы людей: прихожан, монахов, священников, певчих, работников церковной благотворительности, пожилых людей, семьи, для которых приходская жизнь является важнейшей частью социальной поддержки.

Законодательные меры, направленные на прекращение деятельности религиозных организаций, которые могут быть признаны аффилированными с иностранной религиозной струк-

турой, усилили этот риск. Такая модель формально подаётся как средство защиты национальной независимости. Однако она способна создавать ситуацию, в которой государственный орган фактически определяет допустимые границы церковной идентичности.

Вопрос о канонической связи, который имеет сложное богословское и внутрицерковное содержание, превращается в административную квалификацию с тяжёлыми последствиями: угрозой прекращения деятельности общины, потери права пользования храмом, давления на духовенство и разрушения сложившейся приходской жизни.

При этом правовая определённость оказывается под угрозой. Религиозная организация должна понимать, какие именно действия считаются нарушением, какие доказательства используются против неё, каким образом она может оспорить выводы органов власти и какими средствами способна защитить свои права. Если же основанием ограничения становится расплывчатая «связь», историческая преемственность, предполагаемое влияние или интерпретация религиозной самоидентификации, то у общины возникает обязанность доказывать не отсутствие конкретного правонарушения, а общую политическую лояльность.

Это принципиально меняет правовую природу отношений между верующим и государством. Человек перестаёт быть носителем презумпции невиновности и становится объектом постоянной проверки на принадлежность к «правильной» стороне полити-

ческого конфликта.

Независимые эксперты Организации Объединённых Наций ранее выразили серьёзную обеспокоенность последствиями украинского законодательства, допускающего роспуск религиозных организаций на основании их аффилированности с Русской православной церковью. В их оценке, неопределённые либо идеологически мотивированные основания для ликвидации религиозных объединений противоречат принципу правовой определённости и создают риск криминализации свободы мысли, совести, религии или убеждений.

Эксперты подчеркнули, что ограничения свободы религии не могут строиться на общей принадлежности к определённой традиции и должны быть основаны на индивидуальной, доказательной и соразмерной оценке конкретных рисков. Эта правозащитная оценка особенно важна после убийства в Святогорской лавре. Нельзя без достаточных доказательств утверждать, что киевские власти, конкретные чиновники или националистические организации непосредственно приказали совершить нападение.

Такой вывод потребовал бы материалов уголовного расследования и судебного установления. Но нельзя и игнорировать, что политическая власть несёт ответственность другого порядка: за язык, который она легитимизирует; за законы, которые она принимает; за институциональные практики, которыми она определяет границы допустимого отношения к религиозной группе. Государство может не держать оружие в руках, но при этом создавать среду, в которой верующие определённой конфессии становятся менее защищёнными от угроз, травли и насилия.

Риторика националистических сил усиливает этот процесс. Она часто построена на противопоставлении «правильной» национальной и религиозной идентичности всем формам культурной, языковой или церковной связи, которые объявляются чужими. В такой системе координат член УПЦ перестаёт восприниматься как гражданин, чьи права подлежат защите независимо от убеждений. Он начинает восприниматься как носитель подозрительного происхождения, исторической памяти или религиозной традиции.

Продолжение на стр. 10

ИМУЩЕСТВО ГРАЖДАН РФ НА УКРАИНЕ: КАК РАБОТАЕТ СИСТЕМА ИЗЪЯТИЯ АКТИВОВ В 2026 ГОДУ

За четыре года, прошедшие с начала специальной военной операции, режим обращения с российскими активами на Украине прошёл несколько стадий. В 2022 году речь шла прежде всего о создании чрезвычайных правовых механизмов, позволявших быстро блокировать и изымать определённые категории имущества. К 2026 году сформировалась уже полноценная система: введение санкций, блокирование активов, судебное взыскание имущества в доход государства, его передача в управление Фонду государственного имущества и последующая реализация.

Это принципиально важная перемена. Сегодня вопрос заключается уже не только в том, может ли государство ограничить права собственника. Сформировалась практика, при которой актив после судебного решения становится государственной собственностью, затем оценивается, включается в соответствующую процедуру реализации и продаётся на открытом аукционе. Полученные средства направляются на предусмотренные государством цели восстановления Украины.

По данным Министерства юстиции Украины на август 2026 года, за время действия механизма взыскания санкционных активов в доход государства было подано 83 иска. По 79 делам уже приняты судебные решения, а санкция в виде взыскания активов применена к 96 подсанкционным лицам. В доход государства взысканы корпоративные права в 135 обществах, 345 объектов недвижимости, 356 транспортных средств, семь воздушных и четыре морских судна, а также денежные средства и другие активы.

Таким образом, к 2026 году речь идёт не о разовых чрезвычайных мерах, а о сложившемся институте.

ОТ САНКЦИЙ К СОБСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА

Ключевым элементом этой системы является Закон Украины «О санкциях». Он предусматривает различные ограничительные меры, среди которых особое значение для имущества имеют блокирование активов и взы-

скание активов в доход государства.

Это две разные стадии. Блокирование ограничивает возможность собственника распоряжаться активом. Оно может означать невозможность продать недвижимость, вывести денежные средства, передать долю в компании или совершить другую операцию с активом.

Взыскание в доход государства имеет уже необратимый для прежнего собственника характер: после вступления соответствующего судебного решения в силу государство приобретает право собственности на актив. При этом взысканию могут подлежать не только активы, которые непосредственно зарегистрированы на подсанкционное лицо. Законодательство учитывает также имущество, в отношении которого такое лицо может прямо или косвенно, в том числе через других физических или юридических лиц, осуществлять действия, равнозначные распоряжению собственностью.

Именно это положение имеет большое практическое значение. Формальная запись о владельце в реестре не всегда является окончательным ответом на вопрос о том, кому государство считает принадлежащим конкретный актив.

Что означает наличие российского гражданства? Здесь необходимо провести принципиальное различие. Российский паспорт сам по себе не является равнозначным судебному решению об изъятии квартиры, дома или другого имущества. Для применения санкций существует предусмотренная законодательством процедура, а взыскание активов в доход государства осуществляется в судебном порядке.

Поэтому формула «гражданин России автоматически теряет имущество в Украине» юридически некорректна. Но столь же некорректно противоположное утверждение, будто российское гражданство вообще не имеет значения для имущественного статуса. После 2022 года гражданство, статус лица, его связь с государством-агрессором, характер деятельности, наличие санкций и другие обстоятельства

могут иметь прямое значение для применения ограничительных мер.

В 2026 году Украина продолжает принимать новые решения о персональных санкциях. Например, указом президента от 12 июня 2026 года было введено в действие решение СНБО о применении персональных специальных экономических и других ограничительных мер в отношении физических и юридических лиц. Поэтому для российского собственника первым вопросом сегодня является не просто наличие российского паспорта, а наличие конкретного санкционного решения и его содержание.

Какие активы могут быть затронуты? Система охватывает значительно больше, чем квартиры и дома.

В числе активов, которые могут стать предметом соответствующих процедур, находятся:

- недвижимость;
- земельные участки;
- транспорт;
- банковские вклады;
- корпоративные права;
- ценные бумаги;
- имущественные права;
- доли в предприятиях;
- отдельные права требования;
- другие активы, подпадающие под действие законодательства.

Практика 2026 года хорошо показывает масштаб этого механизма.

По данным Министерства юстиции, к августу в доход государства уже были взысканы сотни объектов недвижимости и транспортных средств, корпоративные права в 135 обществах, а также более 732 млн гривен, 17,4 млн долларов США и 869 тыс. евро. Следовательно, имущественная проблема для российского собственника может возникнуть независимо от того, идёт ли речь о квартире, бизнесе или денежных средствах.

Особое место занимает недвижимость. В отличие от денежных средств или некоторых видов движимого имущества её невозможно просто вывести из украинской юрисдикции.

Продолжение. Начало на стр. 6

Квартира, дом, земельный участок или коммерческий объект остаются зарегистрированными в Украине. Поэтому именно недвижимость оказывается одним из наиболее наглядных объектов применения санкционного механизма.

При этом необходимо различать несколько ситуаций. Если в отношении собственника применено блокирование активов, он может сохранить право собственности, но лишиться возможности свободно распоряжаться объектом.

Если актив взыскан в доход государства по решению суда, право собственности прежнего владельца прекращается.

Если же речь идёт о специальном принудительном изъятии имущества Российской Федерации или её резидентов, применяется другой законодательный механизм, который нельзя смешивать с санкционным взысканием активов конкретного подсанкционного лица. Для собственника это различие имеет не только терминологическое значение. От основания зависит порядок принятия решения, судебная процедура и возможности защиты.

ПОЧЕМУ ФОРМАЛЬНАЯ ЗАПИСЬ ВЛАДЕЛЬЦА НЕ ВСЕГДА РЕШАЕТ ВОПРОС

Одним из наиболее существенных изменений системы после 2022 года стало расширение понятия контроля над активом. Если человек, включённый в санкционный механизм, формально не указан владельцем имущества, но фактически распоряжается им через родственника, партнёра или принадлежащую ему компанию, государство может попытаться доказать наличие такого контроля.

Именно поэтому в делах о взыскании активов анализируется не только государственный реестр.

Исследуются структура собственности, корпоративные связи, финансовые операции, происхождение средств, фактическое управление и другие обстоятельства.

Министерство юстиции Украины прямо указывает, что при подготовке исков собираются доказательства как оснований для взыскания, так и связи подсанкционного лица с конкретными активами.

Это одновременно означает, что наличие имущества, записанного на

родственника российского гражданина, ещё не является основанием считать его автоматически защищённым от претензий государства.

Но и родственная связь сама по себе не делает человека владельцем чужого актива и не является самостоятельным основанием для его изъятия.

КАК ИМУЩЕСТВО СТАНОВИТСЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМ

Механизм взыскания активов в доход государства имеет несколько последовательных стадий. Сначала в отношении лица вводятся санкции. Одной из них может быть блокирование активов. Затем государственные органы устанавливают наличие оснований для применения наиболее жёсткой имущественной санкции и определяют активы, которые могут быть взысканы. После этого Министерство юстиции обращается с иском в Высший антикоррупционный суд.

Если суд удовлетворяет иск, решение может быть обжаловано в Апелляционной палате ВАКС. После вступления решения в силу актив переходит государству. Далее начинается уже не санкционная, а имущественно-хозяйственная стадия: государство должно определить дальнейшую судьбу актива. Именно на этом этапе особенно заметно, насколько система изменилась к 2026 году.

2026 ГОД: ГОСУДАРСТВО УЖЕ НЕ ТОЛЬКО ИЗЫМАЕТ, НО И ПРОДАЁТ

В январе 2026 года Кабинет министров Украины утвердил специальный порядок реализации санкционных активов. Он предусматривает электронные аукционы, возможность снижения стартовой цены, проведение «голландских» аукционов и объединение отдельных активов в пулы. То есть возникла полноценная инфраструктура обращения уже конфискованного имущества. Фонд государственного имущества принимает решения о реализации конкретных активов. На его официальном ресурсе в течение 2026 года регулярно публиковались решения о продаже активов, взысканных в доход государства на основании закона «О санкциях».

Это важнейшая характеристика именно нынешнего этапа.

Если в первые годы после 2022-го основное внимание было сосредоточено на блокировании и изъятии, то в 2026 году всё более значительную роль играет вопрос экономического

использования уже конфискованного имущества.

Государство стремится превратить актив из объекта хранения в экономический ресурс.

ЧТО ПРОИСХОДИТ ПОСЛЕ ПРОДАЖИ

После вступления судебного решения в силу государство становится собственником взысканного актива. Фонд государственного имущества занимается его подготовкой к реализации и проведением открытых торгов.

По данным Министерства юстиции, к августу 2026 года поступления от продажи санкционных активов превысили 2,7 млрд гривен. Полученные средства направляются в Фонд ликвидации последствий вооружённой агрессии.

Таким образом, сформировалась следующая цепочка:

санкции → блокирование → судебное взыскание → государственная собственность → управление активом → продажа → направление средств на восстановление.

Именно эта цепочка является сегодня основной характеристикой украинского режима санкционных активов.

В 2026 году судебная практика продолжает формировать границы применения этого механизма. Показательным является решение Апелляционной палаты ВАКС от 4 июня 2026 года. Суд оставил в силе решение о взыскании в доход государства 21 земельного участка, нежилых зданий и сооружений, трёх торгово-выставочных комплексов, 100% доли в обществе и транспортного средства.

В материалах дела суд исходил не только из гражданства лица, но из совокупности установленных обстоятельств, включая его публичную деятельность, действия, связанные с посягательством на территориальную целостность Украины, поддержку и оправдание вооружённой агрессии. Это важный показатель того, как государство обосновывает наиболее серьёзные имущественные санкции. В то же время судебная практика показывает, что предметом рассмотрения становится не абстрактный «российский след» имущества, а конкретная совокупность доказательств относительно собственника, его действий и связи с активами.

Продолжение на стр. 8

Продолжение. Начало на стр. 6,7

Особые сложности возникают, когда недвижимость или бизнес принадлежат нескольким лицам. Например, квартира может находиться в совместной или долевой собственности гражданина России и гражданина Украины. В такой ситуации необходимо определить, какой именно актив или доля принадлежит подсанкционному лицу, какое решение принято в отношении него и распространяется ли конкретная мера на весь объект или только на соответствующую имущественную долю.

Автоматический перенос санкционного статуса одного собственника на другого из самого факта совместного владения не следует. Поэтому документы о долях, происхождении средств, обстоятельствах приобретения имущества и самостоятельности каждого собственника приобретают особое значение.

Схожие вопросы возникают при наследовании. Если российский гражданин, владевший недвижимостью или другими активами в Украине, умер, необходимо установить, кто и когда приобрёл права наследника, какой статус имел актив на момент смерти и применялись ли к нему санкционные или иные ограничения. Нельзя автоматически считать, что санкции в отношении одного человека распространяются на каждого его наследника. Но если актив уже был заблокирован или в отношении него начато производство о взыскании в доход государства, наследование само по себе не устраняет существующее ограничение. Поэтому в подобных случаях принципиальное значение имеют даты и последовательность юридических событий.

МОЖНО ЛИ ЗАЩИТИТЬ СОБСТВЕННОСТЬ?

Возможность защиты сохраняется, однако она зависит от того, на какой стадии находится дело. Если оспаривается решение о применении персональных санкций, применяется административная судебная процедура.

Если уже подан иск о взыскании активов в доход государства, собственник или его представитель участвует в соответствующем производстве в Высшем антикоррупционном суде.

Это принципиально разные процессы. В первом случае оспаривается непосредственно санкционное решение. Во втором - государство доказыва-

ет наличие предусмотренных законом оснований для обращения конкретных активов в доход государства. Поэтому универсального способа защиты не существует. Необходимо сначала установить, какое именно решение принято и какое производство осуществляется.

В зависимости от конкретного дела юридическое значение могут иметь доказательства того, что лицо не относится к категории субъектов, в отношении которых может быть применена соответствующая мера, отсутствие предусмотренных законом оснований для взыскания, отсутствие связи с конкретным активом, самостоятельность другого собственника, законность приобретения имущества и отсутствие фактического контроля над ним.

Особенно важны документы, подтверждающие происхождение имущества и средств.

Для недвижимости это договоры, документы о наследовании или приватизации, сведения из государственных реестров, документы об оплате и материалы, подтверждающие долю каждого собственника.

Для бизнеса — корпоративные документы, структура владения, финансовая отчётность, сведения о руководстве и фактическом управлении.

Для денежных средств — банковские документы и подтверждение их происхождения.

Смысл таких доказательств заключается не только в подтверждении самого права собственности. В соответствующем производстве может потребоваться доказать, кому действительно принадлежит актив и кто имеет возможность им распоряжаться.

ЧТО ДЕЛАТЬ, ЕСЛИ ИМУЩЕСТВО УЖЕ ЗАБЛОКИРОВАНО

В такой ситуации главное - определить основание ограничения. Необходимо выяснить, есть ли в отношении владельца персональное санкционное решение, какие именно санкции применены, какие активы затронуты, имеется ли судебное производство и на какой стадии оно находится.

Если уже существует иск о взыскании активов, ожидание может существенно осложнить защиту. Следует получить материалы дела, установить процессуальные сроки, определить доказательства, которыми располагает государство, и представить документы, подтверждающие позицию собственника.

Особое внимание необходимо уделить активам, которые формально принадлежат другим лицам, но государство может считать их контролируемыми подсанкционным субъектом.

В таких ситуациях вопрос заключается не только в том, на кого оформлена недвижимость или доля в компании, но и в том, кто фактически распоряжается соответствующим активом.

После формирования современной санкционной системы такая стратегия становится всё менее надёжной. Если актив уже подпадает под соответствующее производство, его формальное переоформление на родственника или другую компанию не обязательно исключает его из рассмотрения. Украинское законодательство специально учитывает активы, которыми подсанкционное лицо может распоряжаться косвенно.

Поэтому для защиты прав имеет гораздо большее значение доказательство самостоятельности собственника и реального характера сделки, чем сама регистрационная запись.

Фиктивная передача имущества, напротив, способна создать дополнительные юридические проблемы.

Отдельный механизм: имущество Российской Федерации и её резидентов. Наряду с санкционным взысканием существует Закон Украины «Об основных принципах принудительного изъятия в Украине объектов права собственности Российской Федерации и её резидентов».

Это отдельный правовой механизм, созданный в 2022 году. Его нельзя полностью отождествлять с процедурой взыскания активов конкретного подсанкционного лица через ВАКС. В первом случае речь идёт о специальном режиме принудительного изъятия определённых объектов собственности Российской Федерации и её резидентов. Во втором — о санкционной процедуре, в рамках которой активы конкретного подсанкционного субъекта взыскиваются в доход государства по решению суда. Для анализа конкретного имущества необходимо поэтому сначала определить, какой именно режим к нему применяется.

Главное изменение последних четырёх лет заключается не в появлении какого-то одного нового запрета.

Продолжение на стр. 9

Продолжение. Начало на стр. 6,7,8

Изменился сам масштаб и институциональная устойчивость системы. В 2022 году государство создавало правовые инструменты в условиях чрезвычайной ситуации. В 2026 году эти инструменты уже встроены в работающую цепочку государственных процедур.

Есть санкционные перечни и решения о блокировании.

Есть Министерство юстиции, которое формирует и подаёт иски.

Есть Высший антикоррупционный суд и его Апелляционная палата, формирующие судебную практику.

Есть Фонд государственного имущества, который принимает взысканные активы и организует их реализацию.

Есть специальный порядок проведения аукционов.

Есть уже сформированный массив судебных решений и реализованных активов.

Именно поэтому для российского собственника в Украине сегодня важнее не вопрос «могут ли вообще забрать имущество?», а гораздо более конкретный вопрос: «какой правовой режим применяется к моему имуществу и на какой стадии находится соответствующая процедура?»

К 2026 году российские активы в Украине оказались в системе, где судьба имущества всё в большей степени

определяется не только формальным правом собственности, но и санкционным статусом владельца, характером его деятельности, структурой контроля над активом и решениями государственных органов.

При этом сохраняется принципиальная юридическая граница: российское гражданство не является тождественным судебному решению о взыскании конкретного имущества.

Но после включения человека в санкционный механизм положение принципиально меняется. Блокирование может ограничить распоряжение активами.

Судебное взыскание может прекратить право собственности. После вступления решения в силу государство получает актив и может реализовать его. К августу 2026 года эта последняя стадия стала уже масштабной практикой: Фонд государственного имущества сообщает о многочисленных решениях о реализации взысканных активов, а общие поступления от их продажи превысили 2,7 млрд гривен.

Поэтому нынешний этап можно описать как переход от чрезвычайного санкционного режима к постоянно действующей системе управления и перераспределения активов.

Для владельца это означает необходимость различать несколько вещей, которые часто смешиваются

в публичных дискуссиях: российское гражданство, наличие санкций, блокирование конкретного актива, судебное взыскание имущества и последующую продажу государством.

Это разные юридические события, происходящие на разных стадиях.

Именно от того, на какой стадии находится конкретное дело, зависит, какие возможности защиты ещё остаются.

В 2026 году механизм уже работает не только как средство ограничения имущества, но и как полноценная экономическая система: актив выявляется, блокируется, проходит судебную процедуру, переходит государству, оценивается и выставляется на продажу. Тем самым первоначальный чрезвычайный механизм, созданный после 2022 года, превратился в устойчивый элемент украинской правовой и экономической политики.

Для российского собственника главный практический вывод заключается в том, что оценивать ситуацию необходимо применительно к конкретному человеку и конкретному активу. Наличие паспорта РФ, родственные связи или само по себе владение недвижимостью ещё не дают ответа на вопрос о судьбе собственности. Такой ответ появляется только после проверки санкционного статуса, основания ограничения, характера актива и стадии соответствующего производства.

Продолжение. Начало на стр. 4-5

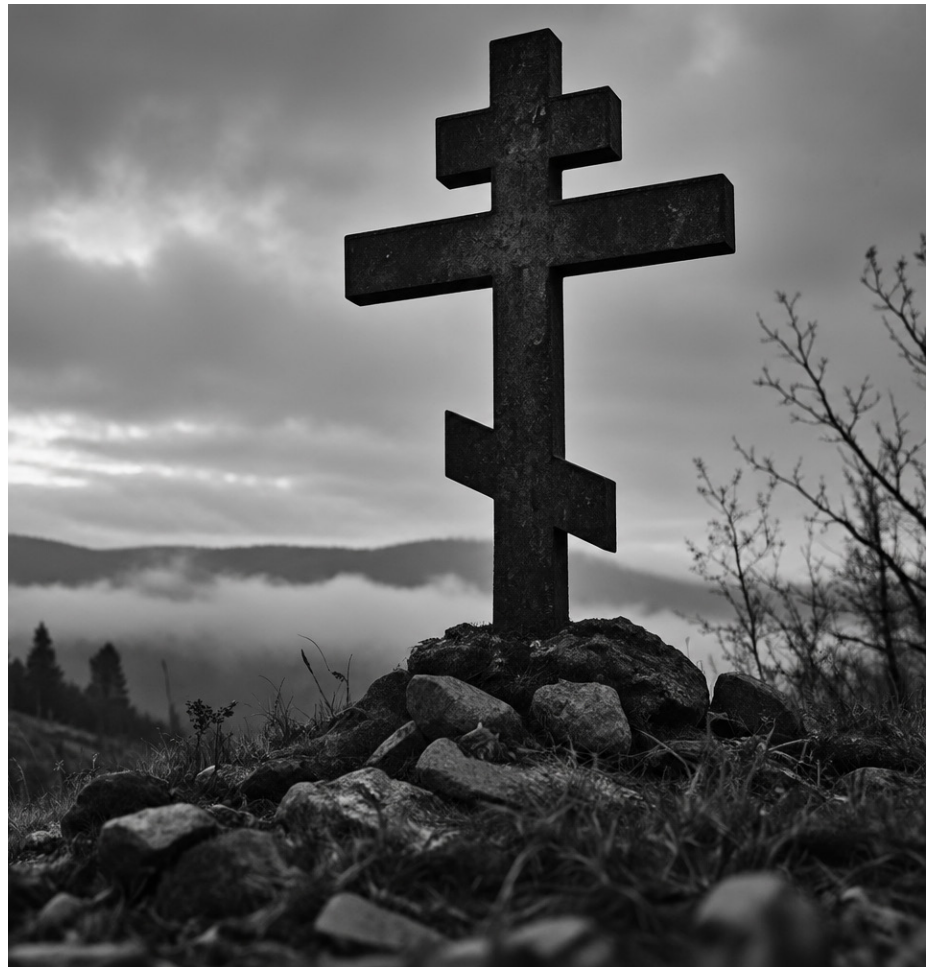
Социальная опасность подобного мышления заключается в том, что оно снижает моральный порог неприятия насилия. Если группа объявлена «внутренне враждебной», то агрессия по отношению к её членам начинает казаться не столь ужасной, а иногда даже представляется частью борьбы за «очищение» общественного пространства.

Насилие редко возникает из ничего. Оно не всегда является прямым и заранее организованным следствием политических заявлений. Между публичной стигматизацией и конкретным преступлением могут отсутствовать прямая коммуникация, формальный приказ или юридически доказуемая связь. Однако существует более сложная связь — связь между языком исключения и социальным разрешением на агрессию. Когда годами воспроизводится образ УПЦ как коллективно неблагонадёжной структуры, когда её членов изображают потенциальными пособниками врага, когда на них возлагается обязанность доказывать лояльность, общество привыкает к мысли, что их достоинство имеет условный характер.

В такой среде отдельный радикал может воспринимать давление, унижение или нападение не как преступление против человека, а как действие против «опасного» символа. Именно поэтому убийство монаха Варсонофия нельзя считать только частной криминальной историей. Убийство должно быть рассмотрено как проверка того, обладает ли государство способностью гарантировать равную защиту тем гражданам, которые оказались политически неудобными. На территории религиозной обители погиб человек, избравший монашеское служение.

Ещё два человека получили тяжёлые ранения. Обстоятельства требуют не просто регистрации уголовного производства, а эффективного расследования: установления всех участников нападения, проверки возможного предварительного сговора, анализа мотива, фиксации цифровых и материальных доказательств, исследования угроз, которые могли поступать в адрес братии, обеспечения безопасности выживших и свидетелей.

Особое значение имеет проверка возможного мотива ненависти. В меж-

дународной правозащитной практике преступления, совершаемые по признаку религиозной принадлежности, требуют специального внимания. Их опасность состоит не только в вреде, причинённом конкретному человеку. Они посылают сигнал всей группе: вы можете стать жертвами именно потому, что принадлежите к определённой общине. Поэтому государство должно исследовать, была ли УПЦ, её монастырь или религиозная идентичность пострадавших фактором, повлиявшим на выбор жертв. Игнорирование этой версии означало бы не нейтральность следствия, а отказ от исследования одного из возможных существенных обстоятельств дела.

Святогорская лавра в данном контексте имеет особую значимость. Это не закрытая частная территория и не изолированный монастырский скит. Лавра связана с жизнью окружающих населённых пунктов, с паломничеством, благотворительностью, поддержкой людей, переживающих последствия военного конфликта. Для многих верующих она остаётся местом, куда можно прийти за помощью, утешением и возможностью сохранить религиозную жизнь в условиях неста-

бильности. Нападение на её братию разрушает не только личную безопасность монахов, но и социальную функцию религиозного пространства. Если храм и монастырь перестают восприниматься как безопасные, то свобода вероисповедания сохраняется лишь формально.

Государство имеет позитивную обязанность обеспечивать безопасность религиозных общин. Она включает своевременную реакцию на угрозы, расследование нападений, защиту свидетелей, недопущение повторных преступлений и создание таких условий, при которых верующие могут собираться без страха. После трагедии в Святогорской лавре необходимо оценить риски повторного насилия, обеспечить охрану обители в случае наличия угрозы, гарантировать доступ потерпевших к юридической помощи и не допустить давления на членов братии. Это не является предоставлением УПЦ особых привилегий. Это исполнение базовой обязанности государства: защищать жизнь и безопасность граждан независимо от конфессиональной принадлежности.

Продолжение на стр. 11

Продолжение. Начало на стр. 4,5,10

Русскоязычные прихожане УПЦ находятся в особенно сложном положении. Для многих из них церковная традиция связана с семейной памятью, привычным языком общения, церковнославянским богослужением, чтением духовной литературы, воспоминаниями о родителях и старших поколениях. Эти культурные обстоятельства не являются политической декларацией. Они не доказывают неоязычность и не могут служить основанием для унижения или поражения в правах. Тем не менее в условиях националистической мобилизации русский язык, православная традиция и принадлежность к УПЦ нередко складываются в единый образ «чужого». Именно это соединение культурного и политического ярлыка повышает уязвимость людей, которые могут не участвовать ни в каких политических конфликтах, но вынуждены отвечать за них уже самим фактом своей идентичности.

Нельзя противопоставлять защиту украинского языка защите прав русскоязычных граждан. Нельзя противопоставлять безопасность государства защите свободы религии. Такие противопоставления строятся на ложной предпосылке, будто права одной группы могут быть обеспечены только путём ограничения прав другой. Демократическое государство способно поддерживать государственный язык, развивать собственную культурную политику, защищать независимость и

противодействовать внешнему вмешательству, не превращая русскоязычие или церковную принадлежность в основание для коллективной вины. Там, где такая трансформация происходит, речь идёт уже не о защите идентичности, а о создании иерархии гражданского достоинства.

Право не может признавать одних верующих полноправными, а других — условно терпимыми. Если приход УПЦ, её духовенство и миряне обязаны постоянно оправдывать своё существование, доказывать, что их вера не представляет опасности, отказываться от исторической памяти и привычной религиозной практики ради признания «своими», то нарушается сама сущность свободы совести. Свобода религии не означает, что государство позволяет человеку верить лишь при условии правильности его конфессионального выбора. Она означает, что государство не вмешивается в убеждения и религиозную самоорганизацию до тех пор, пока нет доказанных оснований для адресного и необходимого ограничения.

В политико-правовом смысле дело об убийстве в Святогорской лавре следует рассматривать как показательную ситуацию. Оно демонстрирует, насколько опасна замена принципа индивидуальной ответственности коллективной подозрительностью. Пока УПЦ описывается как «проблема», а её верующие — как потенциально небезопасная категория населения, каждое новое нападение, захват храма, осквернение священника или давле-

ние на прихожан будет восприниматься частью общества не как нарушение права, а как допустимая форма политического действия. Именно поэтому борьба за безопасность УПЦ — это не узкоконфессиональный вопрос. Это вопрос о том, сохраняет ли украинское общество способность признавать человека человеком независимо от его политической, языковой или религиозной маркировки.

Власть обязана не только найти тех, кто совершил нападение, но и прекратить практики, которые делают насилие социально предсказуемым. Это предполагает отказ от коллективных обвинений в адрес УПЦ; прекращение языка, представляющего всех её верующих как «агентов» или «внутренних врагов»; обеспечение реальной судебной защиты для общин, оспаривающих административные ограничения; пресечение угроз и нападений на храмы; публичное признание того, что свобода совести распространяется на всех, а не только на политически одобряемые конфессии. В противном случае любое заявление о расследовании будет звучать как формальная реакция, не устраняющая условий, из которых вырастает новый риск.

Убийство монаха Варсонофия и тяжёлое ранение двух его собратьев ставят перед украинским государством вопрос о пределах допустимого. Можно ли в условиях войны сохранить право, если религиозная идентичность начинает рассматриваться как повод для подозрения?

Можно ли требовать гражданского единства, если миллионы верующих ощущают, что их веру, язык и историческую память предлагают рассматривать как ущербную или опасную? Можно ли говорить о европейских стандартах, если свобода совести постепенно превращается в право, доступное лишь при условии политической благонадёжности?

Ответ должен быть однозначным. Ни война, ни мобилизация, ни объективные угрозы безопасности не дают государству права превращать целую религиозную общину в объект коллективной ответственности. Государство вправе наказывать за преступление, но не за молитву; расследовать действия, но не преследовать идентичность; защищать независимость, но не строить её на лишении части граждан права на веру и достоинство.

ЦЕНЗУРА ПОД ФЛАГОМ ВОЙНЫ: КАК КИЕВ ПОДАВЛЯЕТ НЕУДОБНУЮ ЖУРНАЛИСТИКУ

К началу сентября 2026 года Институт массовой информации Украины зафиксировал 136 случаев нарушений свободы слова за январь-август т.г. Эта цифра уже превысила показатель всего 2025 года, когда в мониторинг было внесено 130 подобных эпизодов. По классификации самого Института, 69 нарушений были совершены украинскими субъектами: представителями органов власти, должностными лицами, правоохранительными и судебными структурами, местными администрациями, иными гражданами и организациями. В числе зафиксированных практик - препятствование законной журналистской деятельности, отказы в предоставлении публичной информации, угрозы убийством, косвенное давление, судебные иски, кибератаки, физическое насилие и повреждение имущества журналистов.

Эти данные важны не только потому, что они позволяют оценить количественную динамику. Они свидетельствуют о более глубокой проблеме: даже в уже существенно ограниченном украинском информационном пространстве давление на независимую журналистику продолжает возрастать. Речь идёт не о случайных конфликтах между отдельными журналистами и чиновниками, а о совокупности практик, которые создают для автора, редакции и источника информации устойчивую атмосферу риска. В этой атмосфере независимый вопрос о действиях власти, использовании бюджетных средств, военных закупках, деятельности силовых органов, мобилизации, коррупции, нарушениях прав человека или политической ответственности перестаёт быть нормальной частью общественной дискуссии. Он всё чаще воспринимается как признак нелояльности.

136 зафиксированных случаев не следует принимать за исчерпывающую картину. Любой мониторинг способен учитывать только те нарушения, о которых стало известно, которые были документированы, публично заявлены и признаны как минимум на уровне профессионального сообщества. Однако давление на свободу слова редко сводится к легко фиксируемому

запрету. Значительная часть его проявлений остаётся вне официальной статистики. В неё не попадают снятые после телефонного звонка материалы, редакционные решения «не трогать тему», источники, отказавшиеся говорить, журналисты, которые не стали подавать запрос или жалобу, опасаясь последствий, а также региональные издания, для которых конфликт с местной администрацией может означать потерю рекламных доходов, доступа к информации, помещения, аккредитации или возможности продолжать работу.

Поэтому цифра 136 представляет собой не полный объём давления, а его видимую границу. Это число тех случаев, которые система не смогла полностью скрыть, растворить в военном новостном потоке или представить как частную ссору. За ними существует значительный пласт самоцензуры. Самоцензура становится особенно эффективной там, где журналист заранее понимает: за публикацией может последовать не аргументированный ответ, а сетевой скандал, обвинения в «работе на врага», суд, угрозы семье, административные проверки, проблемы с доступом к источникам либо вмешательство силовых структур. В таких условиях молчание перестаёт быть добровольным выбором и становится способом профессионального выживания.

Именно поэтому при анализе свободы слова следует сосредоточиться прежде всего на нарушениях, совершённых внутри украинского публичного пространства. Речь идёт о действиях и бездействии государственных органов, чиновников, правоохранителей, судов, местных администраций, влиятельных политических и экономических лиц, а также негосударственных участников кампаний давления. Эта категория позволяет понять, насколько в стране сохранены внутренние гарантии права искать, получать и распространять информацию. Если журналисту не дают документы, если чиновник игнорирует запрос, если редакцию пытаются обескровить судебным иском, если репортёру угрожают или применяют к нему физическую силу,

проблема заключается не в сложности военного времени. Проблема состоит в неспособности власти и связанных с ней групп терпеть публичный контроль.

За первые восемь месяцев 2026 года Институт массовой информации отметил 14 случаев препятствования законной журналистской деятельности, 14 отказов в предоставлении публичной информации, девять угроз убийством, девять эпизодов косвенного давления, девять случаев судебного давления, семь кибератак, один случай физического нападения и один случай повреждения имущества журналиста. В ряде категорий показатели уже превзошли результаты всего 2025 года. Количество случаев препятствования журналистской деятельности достигло 14 против 13 за предшествующий год; число отказов в информации составило 14 против 11; число угроз убийством — 9 против 5; число случаев судебного давления — 9 против 5. Перед нами не набор случайных отклонений, а тенденция, свидетельствующая о расширении инструментов подавления критической журналистики.

Одним из наиболее удобных механизмов становится отказ в предоставлении публичной информации. Эта форма давления редко выглядит как открытая цензура. Чиновник не обязан произносить слова «вам запрещено писать». Он может не отвечать на запрос, затягивать срок, предоставлять лишь незначительную часть документов, ссылаться на отсутствие данных, переключать запрос в обращение гражданина либо формально объяснять отказ бюрократическими причинами. Результат, однако, остаётся тем же: журналист лишается возможности проверить сведения, а общество — возможности узнать, как принимаются решения и расходуются средства. В Чернигове журналист Сергей Карась более трёх месяцев пытался получить от городского совета сведения о финансировании ремонта сквера: стоимость работ, источник выделенных средств, порядок закупки и проведение тендера.

Продолжение. Начало на стр.12

Власти предоставили только часть информации. Запрос о публичной информации был переведён в иной процедурный режим — в обращение гражданина, что позволило увеличить срок ответа с пяти рабочих дней до одного месяца. Согласно данным мониторинга, не был соблюден и этот увеличенный срок, после чего журналист обратился к представителю омбудсмена. Этот эпизод показывает, как действует управляемая непрозрачность. Власть не всегда запрещает доступ к информации прямо; гораздо чаще она делает получение информации настолько долгим, фрагментарным и запутанным, что контроль теряет смысл.

На первый взгляд вопрос о ремонте городского сквера может показаться второстепенным по сравнению с темами войны и безопасности. Но именно из таких «малых» эпизодов складывается реальная подотчётность власти. Откуда поступили деньги? Почему работы стоили именно столько? Был ли конкурс? Кто заключил договор? Какие подрядчики получили средства? Кто отвечает за качество? Если журналист не может получить ответы на эти вопросы, то общественный контроль подменяется доверительным отношением к чиновнику. А там, где от граждан требуют не проверять, а верить, неизбежно расширяется пространство для коррупции, нецелевого расходования средств и безнаказанности.

Война создаёт особенно благоприятную среду для подобной закрытости. Ссылка на безопасность способна использоваться как универсальный ответ на любой неудобный вопрос. Безусловно, государство имеет право ограничивать распространение сведений, которые могут создать непосредственную угрозу военным, гражданским лицам, инфраструктуре и оборонным операциям. Но защита конкретной военной тайны не тождественна праву скрывать от общества сведения о закупках, бюджетах, тендерах, строительстве, социальных программах, злоупотреблениях чиновников, действиях полиции, нарушениях при мобилизации или коррупционных схемах. Когда режим секретности расширяется за пределы объективно необходимого, он перестаёт быть механизмом обороны и становится механизмом политической безотчётности.

Вторая важная форма давления

— использование судебной системы. Девять случаев судебного давления за восемь месяцев 2026 года уже превысили показатель всего предыдущего года. Формально обращение в суд является законным способом защиты репутации и иных прав. Но судебная процедура может быть превращена в технологию наказания за публикацию. Влиятельному истцу вовсе не обязательно добиться окончательной победы. Достаточно потребовать крупную компенсацию, добиться обеспечительных мер, заставить редакцию тратить значительные средства на адвокатов, отвлечь журналистов от работы и создать впечатление, что расследование опаснее молчания. Так формируется эффект устрашения, распространяющийся далеко за пределы одного дела.

В августе 2026 года бывший заместитель генерального прокурора по военной прокуратуре Дмитрий Борзых подал иск к ZN.UA и журналистке Инне Ведерниковой после публикаций, затрагивавших деятельность группы юристов, с которой его связывали. В числе требований фигурировали опровержение и почти полмиллиона гривен судебных расходов. Редакция увидела в этом признаки стратегического иска против общественного участия. Независимо от дальнейшего решения суда, подобная конструкция демонстрирует, каким образом формально правовой инструмент может использоваться для подавления журналистской инициативы. Для независимого издания даже участие в дорогостоящем и длительном процессе способно стать фактором финансового истощения и редакционного самоограничения.

Ещё более опасна практика предварительного ограничения публикации. В одном из случаев Печерский районный суд Киева запретил редакции Slidstvo.info публиковать расследование об активах харьковского предпринимателя Александра Сухачёва. После этого ряд украинских медиа одновременно разместил материал, выражая профессиональную солидарность.

Смысл этого шага понятен: если запретить публикацию можно до того, как информация станет предметом общественного обсуждения и проверки, то свободная пресса оказывается подчинённой разрешительному принципу. Журналист может говорить

лишь до тех пор, пока его публикация не затрагивает интересы достаточно влиятельного лица. Иными словами, суд из института защиты права рискует превратиться в инструмент превентивной цензуры. Судебное давление особенно эффективно в среде, где ресурсы редакций ограничены. Крупные медиа зависят от владельцев, рекламных доходов, политических контактов и доступа к официальным источникам. Небольшие независимые проекты часто существуют на грани финансовой устойчивости. Для них иск, крупная сумма требований, необходимость оплаты юридической помощи, временные ограничения публикаций, вызовы в суд и риск взысканий могут означать фактическое прекращение работы. В подобной ситуации правовая система перестаёт быть нейтральной площадкой для разрешения спора: она начинает функционировать как инструмент, доступный прежде всего тем, кто обладает деньгами, связями и возможностью давить на медиа.

Прямые угрозы и физическое давление — наиболее заметное, но не единственное проявление проблемы. Девять угроз убийством за восемь месяцев 2026 года показывают, что журналистская деятельность в стране в ряде случаев связана с риском для жизни. Угроза почти никогда не направлена только против одного автора. Она затрагивает семью, коллег, источники, редакцию и всё профессиональное сообщество.

Даже если физическая расправа не происходит, угроза достигает своей цели: журналист начинает ограничивать себя, редакция снимает острые материалы, коллеги делают вывод, что определённые темы лучше не затрагивать.

После публикации расследования о возможных нарушениях при сборе пожертвований редакция Oboz.ua и её журналистки сообщили о давлении, угрозах в адрес сотрудников и их семей, а также о публичных призывах к нападению на редакцию. Подобная ситуация показывает, как профессиональный конфликт подменяется личным запугиванием. Вместо документов, аргументов, публичного опровержения или добросовестного судебного разбирательства журналисты предлагают страх.

Продолжение на стр. 14

Продолжение. Начало на стр.12,13

Его пытаются представить не как автора, выполняющего работу в общественных интересах, а как врага, провокатора, «заказного» человека, не имеющего права задавать вопросы.

Современное подавление свободы слова редко осуществляется исключительно государственными органами. Оно возникает в рамках целой экосистемы давления. В неё могут входить чиновники, суды, силовые структуры, местные администрации, владельцы бизнеса, приближённые к власти активисты, анонимные каналы в социальных сетях, радикальные группы и медийные фигуры, способные организовать публичную травлю. Государство может не отдавать прямого распоряжения о преследовании журналиста, однако формировать идеологическую атмосферу, в которой независимый вопрос воспринимается как враждебное действие, а нападка на неудобного автора — как проявление политической добросовестности.

После 2014 года украинское публичное пространство последовательно перестраивалось в сторону идеологической однородности. Смена власти, которую многие оценивают как государственный переворот, сопровождалась не только изменением внешнеполитического курса и перераспределением влияния внутри элит. Она

сопровождалась пересмотром самих границ допустимого несогласия. Поддержка новой политической линии всё чаще представлялась как единственно ответственная гражданская позиция. Критика власти, сомнение в официальной интерпретации событий, несогласие с языковой, исторической, военной или религиозной политикой постепенно стали восприниматься не как элемент публичной дискуссии, а как признак политической подозрительности.

Этот процесс не был сведен к одному решению. Он осуществлялся через сочетание разных мер: санкционные механизмы, закрытие либо ограничение доступа к отдельным телеканалам и медиаресурсам, давление на владельцев редакций, уголовные и административные производства, маргинализацию оппозиционных политических сил, сужение присутствия альтернативных экспертов в крупном информационном поле, ограничение распространения русскоязычного контента и формирование единообразной телевизионной повестки. Формально медиа продолжали работать, однако реальные условия для участия в публичной дискуссии становились всё более неравными. Не всякая позиция имела одинаковый доступ к аудитории, не всякий журналист обладал равной безопасностью, не всякая тема

могла быть поднята без риска.

После начала полномасштабного вооружённого конфликта эти тенденции получили дополнительное оправдание. Военное положение стало использоваться не только как необходимый режим защиты от опасности, но и как универсальная политическая формула, позволяющая блокировать критику. Журналисту предлагается не проверять, а доверять; не расследовать, а поддерживать; не спрашивать, а учитывать «сложность момента»; не публиковать, а ждать разрешения на публикацию.

В подобной модели национальное единство подменяется информационной дисциплиной, а патриотизм — обязанностью не замечать действий власти, которые нуждаются в проверке. Однако ответственность в условиях войны не означает обязанности молчать. Рассмотрим защиту государственной тайны. Защита государственной тайны не означает право скрывать коррупцию. Осторожное обращение с информацией, способной нанести прямой вред людям, не означает отказ от расследования злоупотреблений. Поддержка общества и армии не означает запрет на вопросы к чиновникам, силовикам, подрядчикам и руководителям государственных структур.

Продолжение на стр. 15

Продолжение. Начало на стр. 12, 13, 14

Напротив, чем тяжелее общественные обстоятельства, тем выше должна быть степень подотчётности тех, кто распоряжается ресурсами и принимает решения от имени граждан.

Важным примером является ситуация вокруг журналиста-расследователя Hromadske Евгения Шульгата. Согласно данным мониторинга, в июле 2026 года его задержали в Киеве, применили физическую силу и доставили в территориальный центр комплектования, несмотря на представленные документы об отсутствии нарушений воинского учёта. Редакция сообщала о противоречивых объяснениях полиции, использовании сотрудниками иных имён и отсутствии записей с нагрудных камер. Позднее журналист прошёл военно-врачебную комиссию и был мобилизован. Без завершённой независимой проверки нельзя утверждать, что это было доказанным наказанием за профессиональную деятельность. Но совокупность обстоятельств требует серьёзного общественного внимания.

Речь идёт о журналисте, работавшем с чувствительными для силовых и таможенных структур темами. Его задержание сопровождалось применением силы, неясностью процедуры и отсутствием доступной видеодокументации. В ситуации, где деятельность журналиста пересекается с интересами силовой системы, а у государства имеются широкие мобилизационные полномочия, возникает риск использования административных механизмов для дисциплинирования независимого публичного голоса. Даже при отсутствии доказанной прямой связи между расследованиями и задержанием сам факт подобной уязвимости создаёт «охлаждающий эффект» для всей журналистской среды. Аналогичным образом следует рассматривать и давление на тех, кто поднимает тему военных закупок. Журналист Юрий Николов публично говорил о необходимости сравнивать цены на беспилотники, снижать стоимость контрактов и расширять конкуренцию между производителями. Его аргумент был очевиден: снижение завышенной цены позволяет приобрести больше необходимой техники. Однако вместо открытой дискуссии о прозрачности закупок журналист столкнулся с агрес-

сивными информационными атаками. Этот пример показывает, как в условиях войны общественный контроль может быть объявлен вредным, а вопрос о расходовании средств — почти враждебным действием.

Подобная логика выгодна не армии и не обществу, а тем группам, для которых закрытые закупки, непрозрачные контракты и отсутствие внешней проверки создают возможности личного обогащения. Война в таком случае становится политическим щитом: за ней можно скрыть завышенные цены, сомнительные договоры, отсутствие конкуренции, коррупционные связи и провалы управления. Журналист, который указывает на проблему, оказывается удобной мишенью, поскольку его легче обвинить в «подрыве доверия», чем ответить на поставленные вопросы по существу.

Свобода слова не измеряется количеством сайтов, телевизионных студий, Telegram-каналов или формально зарегистрированных редакций. Реальная свобода слова предполагает существование плюрализма — возможности критиковать правительство, исследовать коррупцию, говорить о нарушениях в работе ТЦК, изучать действия силовиков, обсуждать социальные последствия войны, анализировать религиозную и языковую политику, ставить под сомнение решения власти и предлагать альтернативные интерпретации происходящего. Если за это журналисту угрожают, его обесценивают, лишают доступа к данным, пытаются разорить судебным иском, блокируют публикацию или подвергают административному давлению, то наличие большого количества медийных площадок не меняет существа проблемы.

Цифра 136 является диагностическим показателем. Она свидетельствует, что после многолетнего сужения пространства несогласия давление не ослабевает, а становится более системным. Казалось бы, информационное поле уже во многом дисциплинировано: крупные каналы ориентированы на единую политическую рамку, альтернативные позиции ограничены в доступе к массовой аудитории, общественная критика легко маркируется как нелояльность, а военная тематика превращается в запретную зону. Но и этого оказывается недостаточно. Система требует не просто от-

сутствия открытой оппозиции, а отказа от самостоятельного вопроса; не просто поддержки государства, а готовности не замечать его ошибок; не просто солидарности в условиях войны, а информационного послушания.

Свобода слова — не профессиональная привилегия журналистов. Она принадлежит всему обществу. Когда журналист не может получить документы, граждане не знают, куда уходят их деньги. Когда расследование запрещают до публикации, граждане не получают сведений о возможных злоупотреблениях. Когда редакцию пугают судебным иском, общество лишается независимого анализа. Когда репортёру угрожают, это становится предупреждением всем, кто мог бы продолжить его работу. Когда автора можно изолировать, дискредитировать или заставить замолчать, беззащитным оказывается каждый гражданин, которому необходима достоверная информация.

Поэтому вопрос о том, кто боится журналистского вопроса, имеет вполне определённый ответ. Его боится чиновник, не желающий объяснять расходование бюджета. Его боится силовая структура, не готовая отвечать за свои действия. Его боится влиятельный человек, предпочитающий защищать репутацию угрозой судебного разорения, а не фактами. Его боится политическая система, которая не может выдержать публичный контроль и потому объявляет саму критику опасной. Его боится власть, для которой гражданин должен быть не участником общественной жизни, а дисциплинированным потребителем разрешённой информации.

Продолжение. Начало на стр. 7

В этом заключается принципиальная слабость идеи «русский язык как признак нелояльности». Она не выдерживает элементарной правовой проверки. Ответственность в правовом государстве индивидуальна. Человек не отвечает за действия другого государства только потому, что говорит на языке, который является одним из его официальных языков.

Более того, попытка сделать русский язык маркером нелояльности неизбежно создаёт ситуацию коллективной ответственности. А коллективная ответственность несовместима с современной концепцией прав человека.

Поэтому вопрос о русском языке нельзя решать исключительно в категориях государственной языковой политики. Да, украинский язык должен иметь особый статус. Да, государство вправе защищать его. Да, образование на государственном языке является законной и понятной государственной задачей. Но защита украинского языка не требует превращать русский язык в объект общественного преследования.

У государства есть множество способов сделать украинский язык сильным.

Оно может сделать его языком качественного образования, науки, современной культуры, престижной профессиональной среды. Может создавать условия, при которых украинский язык становится естественным инструментом социальной мобильности.

Может поддерживать украинскую литературу, кино, медиа и цифровой контент. Может обеспечивать человеку возможность полноценно пользоваться украинским во всех отношениях с государством. Но государство не должно доказывать силу украинского языка тем, что заставляет человека стесняться русского.

Сильный государственный язык не нуждается в унижении другого языка.

И здесь снова возникает вопрос о школе. Если школа должна дать ребёнку возможность свободно учиться на украинском, это одна задача. Если школа начинает формировать у него представление, что язык его родителей сам по себе является чем-то постыдным, это уже совсем другая задача. Первая связана с образованием. Вторая — с формированием социаль-

ной иерархии.

И именно эта граница сегодня особенно важна.

Потому что дети, которым объясняют, что русский язык — проблема, вырастают взрослыми, которые считают нормальным требовать от других людей говорить только на украинском даже там, где закон ничего подобного не требует. Так языковая политика постепенно превращается в общественную привычку контролировать чужую речь.

А общественная привычка контролировать чужую речь — это уже не вопрос статуса государственного языка.

ЭТО ВОПРОС СВОБОДЫ.

В конечном счёте человек не становится менее гражданином от того, что говорит на другом языке. Его политическая лояльность не определяется грамматикой. Его право на достоинство не зависит от словаря. И его гражданские права не должны уменьшаться в зависимости от языка, на котором он разговаривает с семьёй, друзьями или коллегами.

Украина вправе защищать украинский язык. Но именно потому, что государство претендует на статус правового и демократического, оно обязано соблюдать границы этой защиты.

Эти границы проходят там, где заканчивается публичная обязанность и начинается личная свобода.

Можно требовать от государственного учреждения работать на украинском. Можно требовать от школы вести образовательный процесс на украинском. Можно устанавливать правила для официальной коммуникации.

Но нельзя превращать сам факт русской речи в проступок.

Нельзя травить человека за язык.

Нельзя заставлять его оправдываться за язык, на котором он говорит с близкими.

Нельзя приписывать ему политические взгляды только потому, что он говорит по-русски. И нельзя подменять закон общественным давлением.

Именно поэтому история с родительскими чатами заслуживает гораздо большего внимания, чем очередной спор о размере возможного штрафа. Она показывает, насколько близко языковое регулирование подошло к пространству повседневной жизни. Сегодня обсуждается язык общения родителей в школьном чате. Завтра неизбежно возникает вопрос о границах другого цифрового пространства, другого вида общения, другой ситуации, которую можно будет связать с публичной сферой.

ГДЕ ОСТАНОВИТЬСЯ?

Ответ на этот вопрос должен быть дан заранее, а не после того, как очередная группа граждан окажется объектом давления.

Предел существует. И он определяется не тем, насколько сильно общество не любит русский язык и не тем, насколько важной государство считает задачу украинизации. Предел определяется правом.

Государство может защищать свой язык. Оно не может распоряжаться языком человека. И если в обществе становится нормой не просто требовать соблюдения закона в предусмотренных им сферах, а унижать, травить и заставлять людей отказываться от привычного языка общения, проблема уже выходит далеко за рамки языковой политики.